

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ УТИЛИТАРИЗМА И ДОКТРИНА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© 2012 г. Наталья Владимировна Варламова¹

Краткая аннотация: в статье представлен сравнительный анализ философии утилитаризма и доктрины прав человека. Автор приходит к выводу, что практическая реализация требований утилитаризма несовместима с представлениями о естественном и неотчуждаемом характере прав человека, идеями индивидуальной свободы и равенства людей.

Annotation: in this article the philosophy of utilitarianism and human rights doctrine are compared. The author draws a conclusion that practical realization of utilitarianism's claims is incompatible with ideas of natural and unalienable human rights, individual freedom and equality of persons.

Ключевые слова: утилитаризм, права человека, индивидуализм, свобода, равенство.

Keywords: utilitarianism, human rights, individualism, freedom, equality.

Утилитаризм, ведущий свою историю от учения И. Бентама, и сегодня остается одним из влиятельных направлений философской мысли, имеющим “своих верных сторонников и яростных противников”. Некоторые исследователи вообще полагают, что утилитаризм “является как бы неявным фоном, на котором другие теории должны утверждать и защищать себя”². Очевидно, современная доктрина прав человека не может быть исключением, тем более что сам утилитаризм в своем исходном бентамовском варианте формировался во многом в противовес идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека, приобретшей популярность после американской и французской революций.

Утилитаризм интересен еще и тем, что для него трудно найти определенное место в устоявшейся классификации философских учений. Он может рассматриваться и как правовая, и как политическая, и как этическая доктрина. Сегодня утилитаризм в основном функционирует как политическая философия, обосновывающая принципы, которым должна соответствовать “базовая структура общества”. Между тем многие разделяют убеждение, что утилитаризм представляет собой всеохватывающую моральную систему, призванную определять повседневное поведение каждого человека. Одновременно утилитаризм нельзя однозначно аттестовать как позитивистскую или непозитивистскую теорию. И. Бентам почитаем в качестве основоположника юридического позитивизма, и утилитаризм гносеологически и онтологически развивается в общем контексте позитивистской методологии. Однако сама идея утилитаризма содержательна и выражается в определенных нравственных требованиях, в соответствии с которыми должно быть устроено общество, что не стыкуется с позитивизмом, не приемлющим содержательные трактовки права и устанавливаемого им порядка³.

И. Бентам полагал основным принципом права принцип полезности, понимаемый как обеспечение “наибольшего счастья наибольшего числа людей”, которое достигается посредством воздействия законодателя на человека через страдания и удовольствия в качестве стимулов к надлежащему поведению⁴. Современные утилитаристы исходят из того, что целью права является обеспечение максимального уровня благосостояния в обществе, причем общее благосостояние определяется как функция от благополучия отдельных индивидов⁵. Утилитаристы отвергают представления об обществе как о самостоятельной сущности, имеющей свои собственные интересы и права. Сам принцип утилитаризма также обосновывается вполне рационально и эмпирически без обращения к религиозным и метафизическим представлениям о божественной воле, бессмертной душе, абсолютном благе, естественном ходе вещей и т.п.⁶ Любой человек ценит счастье (благополучие), способен испытывать удовольствие и страдание, стремится максимизировать первое и избежать второго. Соответствующие переживания каждого человека значимы в равной мере и должны учитываться государством при определении его политики. При этом все правила (требования, запреты, ограничения) призваны способствовать росту благосостояния и подлежат проверке на соответствие этой цели. Любая предпринимаемая государством мера требует оправдания с точки зрения ее полезности для увеличения совокупного счастья людей⁷.

Одновременно, следуя легистской традиции, также восходящей к И. Бентаму, утилитаристы утверждают, что право создается в результате решений законодателей, которые выбирают оптимальные пути достижения данной цели. Все права, которыми обладает индивид, производны от таких решений, т.е. существуют лишь постольку, поскольку они

¹ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: varlam_n@list.ru).

² Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М., 2010. С. 27.

³ Кредо позитивистов четко выразил Г. Кельзен, наиболее последовательный из них: “Всякое произвольное содержание может быть правом. Не существует человеческого поведения, которое, как таковое, – в силу своего содержания – заведомо не могло бы составлять содержание правовой нормы” (Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 2. М., 1988. С. 74).

⁴ См.: Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998.

⁵ У. Кимлика, анализируя состояние современного утилитаризма как политической философии, считает возможным использовать термины “счастье”, “польза”, “благосостояние” и “благополучие” как синонимы (см.: Кимлика У. Указ. соч. С. 28).

⁶ В этом видят одну из привлекательных и исторически прогрессивных черт утилитаризма, бросившего вызов устоявшимся традициям, безусловным ценностям и авторитетам, суевериям и предрассудкам.

⁷ См., например: Кимлика У. Указ. соч. С. 27–29.

признаны объективным правом и могут быть им признаны, только если удовлетворяют требованию полезности. Идея естественных прав человека, которые не производны от государства и могут быть противопоставлены его власти, для утилитаристов неприемлема⁸.

Современные сторонники утилитаризма разделяют отношение И. Бентама к доктрине естественных и неотчуждаемых прав человека как “высокопарной бессмыслице”⁹, столь же терминологически противоречивой, что и выражения типа “холодная жара” или “сверкающая темнота”¹⁰. С точки зрения утилитаристов, государство существует не потому, что люди имеют права, предшествующие ему, которые государство призвано защищать, а потому, что без государства и закона у людей нет и не может быть никаких прав¹¹. Нет никаких прав, предшествующих государству и закону, и никаких прав, противопоставляемых закону, поскольку невозможна процедура объективного и рационального определения того, обладает ли человек каким-либо естественным правом, выражая то или иное желание или убеждение. Человек говорит о естественных правах, когда хочет добиться своего, но не в состоянии это обосновать¹². К тому же помимо бессмысленности и противоречивости, доктрина основных прав, по мнению И. Бентама, является “опасно анархической”, “подрывающей любое правление”, поскольку она не совместима с осуществлением государством публично-властных полномочий, что всегда сопряжено с некоторым ограничением свободы и собственности. Ведь любой закон может быть объявлен недействительным как нарушающий какое-либо естественное право¹³.

Все эти критические доводы, активно воспроизводимые по сей день, причем не только сторонниками утилитаризма, свидетельствуют о непонимании смысла доктрины естественных и неотчуждаемых прав человека. Но в данном случае речь не об этом. Гораздо важнее, что практическая реализация самого принципа утилитаризма несовместима с пред-

ставлениями о неизбежности и приоритете основных прав человека и лежащей в их основе идеей индивидуальной свободы и равенства людей. В связи с этим даже подвергается сомнению индивидуализм и эгалитаризм утилитаристской доктрины¹⁴.

Неопределенность и неоперациональность основных требований утилитаризма породили его многовариантность. Так, “счастье” И. Бентама (благо людей, полезность) на протяжении истории учения претерпевало различные модификации, оборачиваясь то примитивным гедонизмом – переживаниями удовольствия, а равно иными ценными для людей переживаниями, то удовлетворением предпочтений с последующим уточнением, что речь идет о рациональных предпочтениях, т.е. предпочтениях, сформированных на основе полной и достоверной информации и путем логически верных суждений¹⁵. Однако все предлагаемые интерпретации “счастья”, подлежащего максимизации, не снимают проблемы их применения на практике, т.е. измерения, сопоставления различных видов “счастья”, осуществления выбора между ними и подведения баланса, ведущего к желаемому результату.

Полная реализация утилитаристского идеала – максимальное счастье каждого, удовлетворение всех, пусть даже и только рациональных, предпочтений – в принципе невозможно в силу неизменной ограниченности необходимых для этого ресурсов и противоположности (“конфликтности”) ряда предпочтений. Поэтому все внимание (государства, если рассматривать утилитаризм как политическую философию, а не моральную установку для каждого человека) сосредоточивается на “межличностном сравнении”, т.е. отборе предпочтений, подлежащих удовлетворению, и обеспечении их надлежащими ресурсами. Большинство современных версий утилитаризма занимается именно проблемой распределения ресурсов, т.е. стремится к удовлетворению предпочтений людей не прямо, а косвенно, увеличивая количество средств, доступных людям для удовлетворения их предпочтений¹⁶. Другими словами, современный утилитаризм – одна из разновидностей распределительных (дистрибутивных) доктрин.

При этом с точки зрения утилитаризма важны не сами удовлетворяемые предпочтения (и тем более не стоящие за ними люди), а увеличение их общей совокупности – максимизация средней полезности. Люди не имеют своей собственной внутренней ценности и рассматриваются просто как “вместители переживаний”, которые способны увеличить или уменьшить единственную подлинную ценность – общее благополучие. Для утилитаристов люди представляют лишь “инструментальную ценность”, будучи некими “агрегатами для получения удовольствия или наслаждения”¹⁷, своего рода “местонахождениями полезности”, “каузальными рычагами для системы полезности”¹⁸. Целью утилитаризма “является не уважать людей, которым нужны или желательны некоторые вещи, но уважать благо, которому некоторые люди могут успешно способствовать, а некоторые – нет... Люди рассматриваются как потенциальные производители или потребители блага, и наши обязанности формируются по отношению к этому благу, а не по отношению к другим людям”¹⁹.

⁸ См., например: *Дворкин Р. О правах всерьез*. М., 2004. С. 7–10. Исключением является так называемый рациональный утилитаризм Г. Спенсера, основанный на признании естественного характера индивидуальных прав, обеспечение которых создает условия правильного существования общества (см.: *Спенсер Г. Личность и государство*. Челябинск, 2007. С. 181). По мнению Г. Спенсера, “польза, определенная не эмпирически, а рациональным способом, требует поддержания индивидуальных прав, а следовательно, запрещает то, что может быть им противно” (Там же. С. 187). Жизнь общества, полагал он, “зависит от охраны индивидуальных прав. Если она есть не что иное, как только сумма жизней граждан, то это ясно само собой. Если же она состоит из совокупности различных действий, совершаемых гражданами во взаимной зависимости, то эта сложная и безличная жизнь более или менее интенсивна, смотря по тому, уважаются ли права граждан или отрицаются” (Там же. С. 182). При этом “подчинение меньшинства большинству (человека – власти. – *Н.В.*) законно до тех пор, пока оно не обуславливает других стеснений собственности и свободы каждого, кроме тех, которые необходимы для лучшего сохранения этой свободы и этой собственности”, а “всякое подчинение вне этих пределов было бы незаконно, так как равнялось бы нанесению правам индивида более сильного вреда, чем это необходимо для защиты” (Там же. С. 184).

⁹ *Bentham J. A Critical Examination of the Declaration of Rights // Bentham's Political Thought*. L., 1973. P. 269.

¹⁰ См.: *Bentham. Supply Without Burthen // Jeremy Bentham's Economic Writings*. Vol. 1. 1952. P. 279, 335.

¹¹ См.: *Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights // Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy*. N.-Y., 1983. P. 182.

¹² См.: *Bentham. Supply Without Burthen*. P. 335; *Bentham J. A Critical Examination of the Declaration of Rights*. P. 268.

¹³ См.: *Bentham. Supply Without Burthen*. P. 335.

¹⁴ См.: *Hart H.L.A. Between Utility and Rights*. P. 200.

¹⁵ См.: *Кумлика У. Указ. соч.* С. 30–40.

¹⁶ См.: там же. С. 38–40; *Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights*. P. 192.

¹⁷ См.: *Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights*. P. 194; *Hart H.L.A. Between Utility and Rights*. P. 200, 201.

¹⁸ *Williams B. Moral Luck*. Cambridge, 1981. P. 4.

¹⁹ *Кумлика У. Указ. соч.* С. 61.

Показательно, что утилитаризм вообще описывает надлежущую социальную организацию в терминах обязанностей, а не прав. На государство возлагается обязанность максимизации полезности – обеспечения “наибольшего счастья наибольшего числа людей”, а не защиты индивидуальных притязаний на “счастье”. Частным лицам отнюдь не гарантируется “право на стремление к счастью” (своему личному, свободно и индивидуально определенному); они призваны содействовать увеличению “совокупного счастья всех”, все той же максимизации полезности.

Г. Харт в связи с этим напоминает, что Т. Джефферсон специально подчеркивал различие между счастьем и правом на стремление к счастью, указывая, что свобода мысли и выбора являются организующим центром притязаний на права человека²⁰. Право на стремление к счастью предполагает возможность индивида свободно определять и преследовать собственные цели, а для этого он нуждается прежде всего в гарантиях от неоправданного вмешательства в свою частную жизнь и защите от наиболее очевидных форм агрессивного насилия со стороны других лиц. Между тем принципы утилитаризма, напротив, требуют минимизации сферы частной жизни, свободной от государственного регулирования. Ведь в своей повседневной частной жизни люди призваны максимизировать общую полезность, т.е. отдавать предпочтение совершению действий, способствующих увеличению совокупного благополучия общества, а не счастья отдельных лиц, с которыми они связаны особыми личными отношениями, моральными или договорными обязательствами, и даже не своего собственного счастья. Руководствуясь принципами утилитаризма, ресурсы, находящиеся в его распоряжении, человек должен предоставить тому, кто способен их наиболее эффективно использовать с точки зрения максимизации своего счастья, а значит, и общего благополучия, а не направить их на осуществление собственных замыслов, передать своим близким или людям, перед которыми у него есть моральные или правовые обязательства. Определение таких наиболее эффективных пользователей ресурсов находится в компетенции государства. Все это существенно ограничивает, а в пределе и отрицает индивидуальную свободу. Утилитаризм не позволяет людям ставить и преследовать собственные цели, формировать свои привязанности и обязательства, т.е. делать все то, что придает нашей жизни смысл²¹. Утилитаризм игнорирует моральную значимость обособленности, самостоятельности отдельных индивидов²². Таким образом, по своей сути это не только неправовая, но и аморальная теория, несмотря на ее исходную интенцию заботы о счастье людей.

Столь же причудливые aberrации претерпевает и изначально заложенная в утилитаризме идея равенства. Известная формула И. Бентама “каждый должен учитываться как единица, никто более, чем единица”²³ означает, что счастью (предпочтениям, удовольствию, благополучию) любого человека придается одинаковый вес независимо от его расы, вероисповедания, положения в обществе и других социальных и личных характеристик. Но одновременно из нее следует и то, что счастьем любого человека можно пренебречь в целях максимизации общей полезности. Если это ведет к росту совокупного благополучия, то утилитаризм не видит препятствий для нарушения прав отдельных лиц, дискриминации меньшинств: “в принципе нет возражений против того, чтобы большие приобретения одних должны

были бы компенсировать меньшие потери других; или, что более важно, возражений против того, чтобы нарушение свободы немногих могло быть оправдано большим благом для большинства”²⁴. Более того, в ряде случаев это оказывается необходимым. Причем “в вычислении наибольшего баланса удовлетворения не важно, за немногими исключениями, на что направлены желания”²⁵, и удовольствия, получаемые некоторыми от страданий других в результате испытываемых ими насилия или притеснений (допустим, если это повышает самооценку первых), учитываются в общем балансе наслаждений и разочарований при определении “совокупной полезности”²⁶. Таким образом, утилитаризм совместим с грубейшими формами неравенства в обращении, если это требуется для максимизации совокупного благополучия. С точки зрения утилитаризма ситуация, когда некоторые наслаждаются большим счастьем, в то время как многие страдают, столь же хороша, как и положение, при котором счастье распределено более равномерно. А индивидуальное счастье отдельного человека уникальной самоценности не имеет и может быть легко принесено в жертву, чтобы обеспечить большее счастье или удовольствие для других людей²⁷. “Утилитаризм ложным образом понимает идеал равного внимания к интересам каждого, и в результате он позволяет рассматривать некоторых людей не просто как чуть менее равных, но как средства для достижения целей других людей”²⁸.

В основе предлагаемой утилитаризмом модели социальной организации лежит обманчивая аналогия между рациональным упорядочением жизни одного человека и общества в целом с точки зрения достижения наибольшего благополучия. Если для человека разумно ставить перед собой долгосрочные цели и отказываться от сиюминутных желаний ради их достижения и получения в перспективе гораздо большего удовольствия, что максимизирует совокупное благополучие его жизни, то такая модель индивидуального рационального выбора может быть экстраполирована на все общество. В целях максимизации “чистого баланса общего счастья”²⁹ бывает допустимо и даже необходимо замещение некоторого удовольствия одного человека другим, большим для него удовольствием, равно как и замещение удовольствия или счастья одного лица большим удовольствием или счастьем других³⁰. И в этом отношении различия между людьми рассматриваются как имеющие не больше моральной ценности, чем различия между периодами, которые отделяют удовольствие, ранее испытанное человеком, от удовольствия, испытанного им позднее, как если бы люди просто были частями единого организма³¹. Таким образом, утилитаризм отходит от изначальной позитивистски рациональной трактовки общества как совокупности обособленных индивидов и безосновательно уподобляет общество человеку, рассматривая его как некую самоценную целостность, доминирующую над своими составными частями. Поэтому “точно так же, как для одного человека рационально максимизировать удовлетворение его системы желаний, для общества было бы правильным максимизировать чистый баланс удовлетворения, посчитанный для всех его членов”³². Отсюда общество должно предоставлять индивидам ресурсы с тем, чтобы обеспечить

²⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 37.

²⁵ Там же. С. 40.

²⁶ См.: Кимлика У. Указ. соч. С. 51–53; Ролз Дж. Указ. соч. С. 40.

²⁷ См.: Hart H.L.A. Between Utility and Rights. P. 200, 201.

²⁸ Кимлика У. Указ. соч. С. 61.

²⁹ Hart H.L.A. Between Utility and Rights. P. 201.

³⁰ См.: Ibid. P. 201, 202; Ролз Дж. Указ. соч. С. 35–37.

³¹ См.: Hart H.L.A. Between Utility and Rights. P. 202.

³² Ролз Дж. Указ. соч. С. 37.

²⁰ См.: Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights. P. 189.

²¹ См.: Кимлика У. Указ. соч. С. 47, 48.

²² См.: Hart H.L.A. Between Utility and Rights. P. 200.

²³ См.: Ibidem.

максимально возможное совокупное счастье; никаких иных принципов распределения утилитаризм не обосновывает.

Распространение на общество в целом принципов индивидуального рационального выбора удовольствий утилитаризм осуществляет посредством концепции “беспристрастного доброжелательного наблюдателя”. Это – гипотетическая личность, которая не имеет собственных интересов, обладает всей необходимой информацией, недюжинной силой мышления и воображения и равно доброжелательна к притязаниям всех членов общества. Такой “наблюдатель” призван организовать все разнообразные желания отдельных лиц в одну непротиворечивую систему желаний. Он выступает в качестве совершенно рационального субъекта, который благодаря своим выдающимся возможностям поочередно отождествляет себя с каждым из индивидов, вбирает их опыт, осознает интенсивность их желаний, сопутствующие им наслаждения и боль и приписывает им подходящий вес в общей системе. Затем с помощью установленной системы правил права, обязанности и имеющиеся ресурсы распределяются “наблюдателем” таким образом, чтобы максимизировать совокупное счастье общества³³. В таком контексте общество рассматривается “как эффективное управление социальными ресурсами для того, чтобы максимизировать удовлетворение системы желаний, построенных беспристрастным наблюдателем из многих индивидуальных систем желаний, принимаемых в качестве данного”³⁴. Вымышленными действиями “беспристрастного доброжелательного наблюдателя” все люди как бы соединяются в одного человека; существующие между ними различия утилитаризм игнорирует³⁵.

На практике функции “беспристрастного доброжелательного наблюдателя” призван осуществлять “идеальный законодатель”, который, однако, не обладает всеми его выдающимися качествами, а следовательно, и не является абсолютно “идеальным”. Но даже если бы он и мог быть таковым, утилитаризм упускает из виду, что общая сумма различных индивидуальных удовольствий сама по себе не имеет моральной ценности, ибо не является удовольствием или счастьем, которое кто-либо ощущает. Общество – не индивид, переживающий совокупность удовольствий или страданий, испытанных его членами; никто не переживает их “в совокупности”³⁶. Дж. Ролз обращает внимание на то, что “по своей сути решения, принимаемые идеальным законодателем, не сильно отличаются от решений предпринимателя, пытающегося максимизировать прибыль от производства того или иного товара, или же потребителя, который желает максимизировать удовлетворение через покупку того или иного товара. В каждом случае имеется один человек [или группа лиц. – Н.В.], чья система желаний определяет наилучшее выделение ограниченных средств”³⁷.

Весьма наглядной моделью общества, организованного на принципах утилитаризма, социологи считают “Паноптикон” И. Бентама³⁸. Заключенные Паноптикона полностью подчи-

нены воле надзирателей. Их собственная воля подавлена, а свобода сведена к выбору между крайне непривлекательными условиями существования (черствый хлеб, вода и полная изоляция) и выполнением требуемой работы и установленного распорядка. Инспекторы, осуществляющие надзор за заключенными, свободны по отношению к ним, но находятся под наблюдением старших инспекторов, осуществляющих контроль за выполнением ими своих функций. Полностью свободен в такой системе лишь самый главный надзиратель – предприниматель-подрядчик. Паноптикон сдается ему в аренду, с тем чтобы он использовал труд заключенных для максимального извлечения прибыли в системе рыночных отношений. Он не нуждается в надзоре и контроле, так как преследует свой собственный интерес, который заставляет его действовать максимально эффективно.

“Паноптикон” И. Бентама можно прочесть «как притчу об обществе в целом – устойчивом обществе, упорядоченном обществе, обществе без преступлений, обществе, в котором нонконформизм легко обнаруживается и устраняется, обществе, которое активно ищет наивысшей выгоды и величайшего счастья для своих членов, обществе, снабженном всеми функциями и ролями, которые необходимы для его выживания и успеха. В таком обществе, доказывает “Паноптикон”, свобода одних делает и необходимой, и прибыльной зависимость других, тогда как несвобода одной части делает возможной свободу другой»³⁹. Паноптикон гарантирует всем счастье, понимаемое как “мир и покой”. «У состояния “мира и покоя” есть две стороны. Объективно оно характеризуется регулярностью, постоянством и предсказуемостью внешне-го контекста для всякого действия заключенных. Ничто не оставлено на волю случая, и никакие реалистические альтернативы не обременяют заключенных необходимостью выбора. Им не на что надеяться, зато нечего и бояться. А субъективно состояние “мира и покоя” означает, что заключенные убеждены, что их поведение не расходится с требованиями их инспекторов и, следовательно, не рискует вызвать гнев, а заодно и наказание, которому инспекторы подвергнут нарушителей. Поскольку начальники требуют всего лишь конформного поведения, то искусству обеспечивать постоянный поток вознаграждений выучиться несложно, и оно не вовлекает ученика в конфликт, так как лишено противоречий или моральной неоднозначности. Совместно обе стороны “мира и покоя” предоставляют и необходимые, и достаточные элементы счастья. “Суверенитет индивида” и свобода выбора в их число не входят»⁴⁰.

Утилитаристы рассматривают индивидуальную свободу как ресурс, находящийся в распоряжении общества, точнее “беспристрастного доброжелательного наблюдателя” или “идеального законодателя”, и используемый для достижения “наибольшего счастья наибольшего числа людей”. Понимаемая таким образом индивидуальная свобода выступает “в качестве функционального фактора, обеспечивающего рациональность системы как целого. Свобода служит планированию и применению тех принуждений, которым доверено стимулировать желательное (благодарное, полезное, эффективное) поведение на всех уровнях системы”⁴¹.

Свобода, используемая как средство, ресурс, которым располагает сообщество для достижения своих целей, становится предметом произвольного распределения: “при таких обстоятельствах та свобода, которую можно допустить без ощутимой угрозы для общества, всегда есть нечто дарован-

³³ См.: там же. С. 37, 165.

³⁴ Там же. С. 42, 43.

³⁵ См.: там же. С. 38.

³⁶ См.: Hart H.L.A. Between Utility and Rights. P. 201.

³⁷ Ролз Дж. Указ. соч. С. 37, 38.

³⁸ Полное название учреждения, спроектированного И. Бентамом, – Паноптикон, или Надзирательный дом, содержащий идею нового принципа здания, применимого ко всякому виду учреждения, в котором лица любого разряда должны содержаться под надзором, и в особенности к исправительным домам, тюрьмам, мастерским, рабочим домам, богадельням, мануфактурам, сумасшедшим домам, лазаретам, госпиталям и школам: с планом распорядка, приспособленного к оному принципу.

³⁹ Бауман З. Свобода. М., 2006. С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 26, 27.

⁴¹ Там же. С. 67.

ное (*granted*) и благодаря происхождению от акта дарения нечто (по крайней мере в принципе) строго контролируемое. К тому же такая свобода всегда частична, всегда свобода “в известном отношении”; она состоит либо в льготном изъятии (*exemption*) из-под четко определенных, специфических обязательств или юрисдикции, либо в членстве в коллективе, причастном какой-то привилегии. Свобода действительно есть привилегия, причем предлагаемая скупой и в общем без энтузиазма со стороны даятелей”⁴². Такая свобода предстает лишь как “фактор в механизме производства и воспроизводства общественного порядка”⁴³.

Исторически утилитаризм возник в Британии как радикальная критика общества, базирующегося на привилегиях английской аристократии, и требование реформ (избирательного права, системы уголовных наказаний, социальной сферы и т.п.) в интересах большинства. В данном социально-политическом контексте он сыграл немалую положительную роль. Однако утилитаристская доктрина оказывается непригодной для решения современных проблем, связанных с защитой меньшинств (часто вызывающих неприязнь и раздражение большинства), а также с обеспечением гарантий индивидуальной свободы и равенства.

Когда же та или иная версия утилитаризма предлагает при определении баланса полезности исключать некоторые виды предпочтений (так называемые внешние, т.е. касающиеся благ и ресурсов, которые должны быть доступны другим лицам, эгоистические, т.е. выражающие притязания на несправедливую долю ресурсов, неправомерные, т.е. сопряженные с нарушением прав, свобод и интересов других лиц⁴⁴, и т.п.) либо утверждает определенный принцип рас-

пределения “счастья” между людьми (отличный от требования его совокупного увеличения), либо обосновывает приоритет некоторой сферы полезности по отношению к другим ее проявлениям, либо вводит безусловные ограничения ее максимизации⁴⁵, то в рамках данных теорий нивелируется изначальный смысл утилитаризма.

⁴⁵ Такова, например, концепция Дж.Ст. Милля, который, по меткому замечанию Г. Харта, хотя всегда и провозглашал себя утилитаристом, но на деле сохранил в своем учении только сам термин, существенно изменив смысл исходной доктрины утилитаризма во многих важных отношениях (*Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights*. P. 187). Согласно Дж.Ст. Миллю уважение прав человека представляет собой “одну из разновидностей или сферу общей полезности” (*Mill J.S. Utilitarianism // Collected Works of John Stuart Mill*. Ed. by J. Robson. 1969. Vol. 10. P. 241), причем чрезвычайно важную – “это то, без чего не может обойтись ни один человек”, “сама основа нашего существования”, “неотъемлемые составляющие благополучия человека” (*Ibid*. P. 250, 251). Этот “особый вид полезности основных прав” предполагает защиту индивида от вреда, причиняемого другими лицами, и от неоправданного вмешательства в его свободу обеспечивать свое собственное благополучие. Такая “полезность”, по мнению Милля, является значительно более важной, а потому более безусловной и императивной, чем любая другая, и ее необходимо строго отличать от просто идеи обеспечения удовольствия, счастья или удобства человека (*Ibid*. P. 259). Доктрина Дж.Ст. Милля предполагает защиту сферы свободы каждого индивида во всех проявлениях его деятельности, которые не причиняют вреда другим, т.е. защиту свободы индивида, как такового, и одинаковую сферу свободы всех индивидов, и, таким образом, обеспечивает равенство, что коренным образом отличается от ценностей и постулатов “чистого” утилитаризма (см.: *Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights*. P. 193). Вместе с тем даже такой либерально ориентированный утилитарист, как Дж.Ст. Милль, обосновывает необходимость индивидуальной свободы ее полезностью для общества (см.: *Милль Д.С. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М., 1995. С. 288–392).

⁴² Там же. С. 49.

⁴³ Там же. С. 43.

⁴⁴ См.: *Кимлика У. Указ. соч.* С. 64–70.